

ТЕ КТО ОСТАЛИСЬ 3

КОНСТАНТИН ФЕДOTOB

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Федотов

Те кто остались 3

«Автор»

2026

Федотов К.

Те кто остались 3 / К. Федотов — «Автор», 2026

Дорога на юг была полна испытаний. На каждом шагу путников подстерегала опасность. Братьям чудом удалось сбежать из плена у людоедов, но затем они попали в лапы работорговцев.

© Федотов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Константин Федотов

Те кто остались 3

Глава

Глава 1

г. Ульяновск. Три с половиной месяца спустя

Свинцовые облака застилали собой небосвод и быстро проплывали по нему, гонимые сильным ледяным северным ветром, пронизывающим тело насквозь. Они висели так низко, что казалось, протяни руку — и коснешься их, но это была лишь иллюзия. Солнца не было видно больше недели, только серость, что окрашивала окрестности в черно-белые цвета, как в старом кино. С деревьев слетела последняя пожелтевшая листва, а трава стала жухлой, сменив зеленый окрас в темно-серый и бледно-желтый. Бесконечные тучи осыпали землю то мелкими каплями холодного дождя, то мелкой белой крупой, что неприятно била по замерзшему, обветренному лицу и окоченевшим рукам. Мои лохмы длинных волос были настолько грязными, что уже давно сбились в колтуны, и даже сильный ветер не мог заставить их развеяться по ветру. Драная, рваная, вонючая одежда, дырявая обувь, насквозь пропитанная потом и грязью, уже давно не грела и не защищала от ветра. Честно говоря, уже и не припомню дня, когда я снимал ее с себя в последний раз. Помыться было негде, да и очень холодно, а переодеться банально было не во что. Усталые, мозолистые руки с трудом поднимали над головой тяжелую кирку и, придавая ей небольшое ускорение, опускали на землю, порой высекая искры, ударяясь об арматуру, вмурованную в бетонные перекрытия. С искрами в разные стороны разлеталась бетонная крошка и остатки шпаклевки. Что прилетали в лицо и иногда оставляли после себя сечки и царапины.

Тяжелым взглядом я смотрел на сотни таких же работников как и я, что едва стояли на ногах и выполняли тяжелую, рутинную работу. Особенно больно было смотреть на Сережу, который едва волооча за собой ноги, катил небольшую тележку, на резиновых колесах в которую я совковой лопатой грузил бетонную и кирпичную крошку.

Брата было не узнать, за это время он очень сильно изменился и далеко не в лучшую сторону. Потрепанная, грязная одежда, рваные, перевязанные проволокой ботинки. Худющий, щеки впалые, обветренные, все в царапинах и болячках. Руки-макаронины, кожа бледная и потерянный, разочарованный, голодный взгляд. Он подкатил тележку и, молча тяжело вздохнув, присел на обломок бетонной плиты. Его потрясывало от холода, а еще сильно клонило в сон, так как он медленно моргал и каждое поднятие век брату давалось с большим трудом.

— Держи. — шепотом произнес я, осторожно всучив ему в руки две черные, вязанные перчатки.

— Откуда? — удивился он такому подарку, сразу начав его примерять.

— От верблюда, нашел в железном шкафчике под стеной, там еще шерстяные носки были, я тебе их вечером отдам. — обрадовал я его.

— А ты? — вопросительно посмотрел он на меня. Так как ему не нравилось, что все полезные находки я отдаю именно ему.

— Я нормально, мне не холодно. — улыбнувшись ответил я и, отложив кирку в сторону, взялся за черенок лопаты.

— Врешь! — возмутился Малой. — Хватит со мной как с маленьким!

— Не ворчи, я вот себе шарфик нашел. — улыбнувшись ответил я и отогнув ворот куртки продемонстрировал ему армейское кашне оливкового цвета.

— Не накажут? — осторожно спросил Сережа, озираясь по сторонам.

— Нет, сегодня в охране нормальный мужик стоит, обыскивать не будет, брезгует. — улыбнулся я.

— Угу, нормальный. — негодуя произнес Сережа.

Нагрузив тележку, я сменил лопату на кирку и вернулся к работе, а Сережа, как бурлак, потащил ее в сторону дороги, где будет высыпать осколки на обочину, чтобы укрепить и расширить ее.

Почти три месяца мы находимся в рабстве. Тот самый работорговец Борисыч доставил нас и еще двадцать человек в Набережные Челны. Там на нас надели жесткие металлические ошейники и выставили на рынке, словно породистых собак. Как бы я не просил, как бы не торговался за наши жизни, отпускать нас никто не собирался. Еще я очень переживал, что нас с Малым разлучат и отправят в разные места. Но хоть тут повезло, один очень важный мужик оптом забрал целую сотню рабов. Ему нужны были рабочие, чтобы расчистить разрушенный город и восстановить все, что возможно. С тех пор мы и вкалываем от восхода и до захода солнца. Разбиваем разрушенные стены зданий и вытаскиваем их за пределы города. Плюс собираем разные артефакты древности, и не дай бог тебе хоть что-то забрать себе.

Отношение к рабам хуже, чем к собакам. Но оно и ясно, даже более-менее приличная шавка на рынке стоит дороже, чем человек. Живем, как правило, в более-менее уцелевших зданиях, спим на чем придется, и если летом было терпимо, то с наступлением холодов начались проблемы. Все же холодный бетонный пол здоровья не прибавляет, особенно, когда ты целыми днями вкалываешь на износ. Кормили ужасно, в основном некое подобие супа и мизерный кусочек хлеба, в тесто которого подмешивали древесные опилки. Зато охраняли очень хорошо, весь периметр просматривается с вышек, да еще обнесен забором из колючей проволоки. По периметру ходит охрана с собаками, плюс по площадке передвигаются надзиратели, что следят за работой.

Надзиратели — это вообще отдельная тема, так как они назначались из рабов, и их я ненавидел всем сердцем. Жалкие душонки за дополнительную пайку и освобождение от работ тут же забывали, что сами были на нашем месте. Они как коршуны кружили над нами, громко орали, распускали руки, чтобы ускорить работы. Если что не так, тут же бежали докладывать охране. Я с ними сталкивался и не раз, увы, открыто ничего не мог им сделать, так как за это последует мучительная смерть. В назидание другим тебя подвешат на столбе, где ты будешь висеть без еды и воды до тех пор, пока не отдашь концы. Смерть страшная, медленная и очень мучительная.

Так что я решал проблемы с такими полициями более тонко, но кардинально. Либо ночью сердце остановится, либо подскользнется на скользкой плите и расшибет себе голову. И каждый новый полицейский понимал, что если переступить грань, то не протянешь и трех дней. Так что у нас был небольшой баланс, но жить от этого все равно было не легче.

Порой опускались руки, и мне казалось, что мы с Малым так и будем сидеть тут до конца своих дней. Пока не заболеем чем-то серьезным или не покалечимся, и нас не пристрелят, как хромых лошадей. Но желание спасти Малого от такой участи и желание отомстить Борисычу и остальным работорговцам, что продали нас, перевешивало желание сдаться. И, сжимая зубы, я каждый день шел на работы.

Все мои мысли постоянно были только об одном, а именно о побеге. Но за все время я так и не смог найти ни одного безопасного способа вырваться отсюда. Локации часто менялись, оттого я никак не мог найти или организовать достойную лазейку, чтобы незаметно умыкнуть, не подняв шума. Так что пока оставалось только выжидать подходящего момента.

Порой у некоторых рабов сдавали нервы, и они, бросая все, бежали напрямик, бросаясь на колючую проволоку. Но их либо убивали на ходу, либо подвешивали на столб, опять же в назидание остальным.

Подговорить я тоже никого не мог на какой-нибудь бунт или совместные действия, так как всюду было полным-полно стукачей, что ради куска хлеба сдадут кого угодно, даже родную мать. Поэтому всегда приходилось прятаться не только от охраны, но еще и от своих собратьев

по несчастью. Говорить только тихо и осторожно, постоянно наблюдая за тем, чтобы никто не подслушивал.

— Закончить работы! Сложить инвентарь и строиться! — громко закричал старший надзиратель, что, попивая горячий чай из алюминиевой кружки, с отвращением смотрел на нас.

Все рабы начали стягиваться к металлическим стеллажам и раскладывать на них инвентарь, а затем образовывать некое подобие строя. Там уже наши полицаи начали пересчитывать нас по головам, проверяя каждого человека. А затем вставали перед строем для проведения доклада. Старший надзиратель, шагая медленной, тяжелой поступью, накрытый армейской плащ-палаткой, шел перед строем и окидывал взглядом каждый отряд. Толстый, бородатый, неопрятный и раскрасневшийся от выпитого алкоголя, он смотрел на нас взглядом, полным ненависти. Не знаю почему, но рабов он презирал всей душой, ненавидел нас и наказывал при каждом удобном случае. У каждого было свое мнение на этот счет. Но лично я считал, что он просто самоутверждается за наш счет. Что может раб? Да ничего, а он может сделать все, что угодно: измываться, истязать, унижать и, разумеется, убить.

Зато когда сюда заглядывали высшие чины, он лебезил перед ними и скакал на задних лапках, словно маленький, пушистый и послушный песик. Меня аж тошнило от одного вида подобного поведения, и лично для себя сделал зарубочку, что этот надзиратель падет от моей руки, и смерть его будет такой же мучительной и долгой, как у рабов, которых он убивал пачками ради забавы.

Приближаясь к каждому отряду, полицаи производил доклад о том, что все рабы в строю, и о том, сколько сегодня погибло и по какой причине. Лично у нас сегодня трое погибло под обвалом. Кирпичная стена не выдержала сильного порыва ветра и упала вниз, похоронив под своими обломками проходящих мимо рабов. Плюс двое умерли от «чахотки». В такую погоду заболеть легко, и черт его знает, что это: грипп, ангина, воспаление легких или что еще. Так что чахотка и чахотка, начал кашлять, берет озноб, считай, что ты помер, неделя мучений — и конец. И, боюсь, такими темпами мы с Малым тоже стоим в очереди.

После проверки на наличие нас загнали в большое, холодное здание торгового центра. Тут когда-то было весело: магазинчики, рестораны, фудкорты, кинотеатры, детские развлекательные площадки и многое другое. А теперь разбитые панорамные окна, черная плесень на крышах, мох на полу и стены, исписанные лозунгами из разряда «Мы все умрем», «Смерть рядом», «Жизнь — боль» и так далее.

Напротив входа была организована кухня, где на сложенной из камня печи варили нашу похлебку и нарезали хлеб. Я постоянно пытался пристроить туда Сережу. А чего, таскай дрова, топи печку, тут теплее и легче, опять же можно урвать чего-нибудь пожевать. Но тот каждый раз отказывался и говорил, что будет работать только со мной рядом и никак иначе. Гордый юнец, поблажек не желает. Меня это, конечно, радует, но от этого не легче видеть, как он усыхает на глазах, а впереди зима и как ее пережить я даже ума не приложу. А главное бежать во время зимы еще большее самоубийство, будь поблизости хотя бы тайга, там бы мы с голода точно не пропали и согреться бы смогли. Но нет, мы совсем в другой полосе, если тут и есть леса, то зверя в них не так уж много, а это прямая смерть от голода и холода.

Войдя в торговый центр, мы тут же выстроились в одну длинную очередь, и каждый достал из-за пазухи свою тару для пищи. Нам с Малым повезло, я сумел урвать два котелка, которые теперь постоянно при нас.

Дождавшись своей очереди, мы подошли к раздаче, и седой старичок здоровенным черпаком зачерпнул варева из своего котла и до половины наполнил наши котелки, а затем каждому всучил по кусочку хлеба. Всем давалось поровну, ни больше, ни меньше, должность на кухне была очень опасной, попробуй дать кому-нибудь хоть чутка больше, как тут же поднимется хай. И, как правило, до следующего утра этот повар уже не дотягивает. Жестокий мир — жестокие правила.

Отойдя с котелками в сторону, мы присели у стены и молча приступили к поглощению пищи. Я размешал свою жижу в котелке, пытаюсь понять, что там вообще есть. Пара кусочков картошки вместе с кожурой, хлопья от капусты, нечто похожее на морковку и небольшой кусок мяса, это была большая редкость и удача. На огромный чан выделялся крохотный кусок мяса для нагара, хотя, по правде говоря, пищи выдавалось в разы больше, но один уродливый надзиратель почти на две трети урезал нам пайку, жируя за наш счет.

На вкус пища была ужасной, то кислой, то горькой и пресной, ведь соли нам никто не выдавал. Плюс к вареву был еще один чай с горячей водой, в который иногда для вкуса забрасывались разные травы вроде мелиссы, ромашки или мяты. Воду можно было пить сколько угодно, и мы с Малым брали каждый раз по две порции, чтобы хорошенько согреться.

— Смотри, мышка побежала! — произнес я, указывая пальцем в сторону.

Малой тут же посмотрел в сторону, куда я указал, и я быстро закинул ему свое мясо в котелок.

— Не вижу. — бездушно прошептал он и уставился в свой котелок.

— Наверное, убежала. — пожал я плечами.

— Макс.

— Чего?

— Еще раз так сделаешь, и я это мясо отдам кому-нибудь другому! Понял? — недовольно фыркнул он и вернул кусок в мой котелок.

— Давай хотя бы пополам? — предложил я.

— Давай, но при условии, если попадется мне, то мы тоже будем есть его пополам.

— Добро.

Съев всю пищу и выпив горячей воды, сегодня она была совсем пустой, но мы все равно выпили по две кружки и пошли спать.

Местом отдыха нам служил бывший кинотеатр, кресел в нем уже давно не было, зато помещение не продувалось и было относительно сухим. Заняв себе место в углу, я осторожно расстегнул свою рваную ветровку и достал из-под подкладки пару шерстяных носков.

— Держи, одевай быстро. — прошептал я.

Малой согласно кивнул и размотал проволоку на своих ботинках, что были ему велики на пару размеров. Затем вынул ноги, скинул портянки и надел носки на ноги, а затем вернул портянки на место и обул ботинки.

— Как? — поинтересовался я.

— Круто, они так приятно колются. — расплывшись в улыбке, ответил он.

— Пользуйся. — хлопнул я его по плечу и начал занимать наиболее удобную позу для сна.

— Макс...

— Чего?

— Как думаешь, Ястреб выжил? — с надеждой спросил он.

— Не знаю, сам слышал, что про него врач говорил в тот день.

— Помню, но сбежать ведь он смог. Он ведь сильный, должен был выжить.

— Значит, выжил.

— Как думаешь, а он нас спасет? Не бросит нас? Мы ведь его тогда не бросили, вынесли его на себе. — обреченно произнес он.

— Не знаю, брат, ой не знаю. Может, он побегал своего Пал Палыча спасать, а про нас забыл. А может, и спасет, кто его знает. Хотя уже немало времени прошло, хотел бы, уже бы объявился.

— Хочется верить, что он живой и просто не может нас отыскать и вот-вот придет за нами. — мечтательно добавил он.

— Как знать, время покажет, а пока засыпай, завтра начнется новый, тяжелый день, посмотрим, что он принесет нам.

— Угу. — промычал он, закрыв глаза.

Я часто думал про Ястреба и ужасно злился на него. Этот гад живучий, как таракан, и раз смог избежать расстрела, точно должен был нас выручить из передраги. Прав Малой, мы ведь его не бросили в лесу, хотя тащить его было той еще задачкой. Когда позади тебя происходит черт пойми что. Стрелы летают, люди стреляют, того и гляди сам поймашь что-то в спину. Но мы вытащили его, а что теперь? Мы тут, а он непойми где находится. Правда, если он рванул в обратную сторону и его схватили выжившие дикари, то тогда я ему не завидую.

Тем не менее, как говорится, «На Бога надейся, но сам не плошай». Так и мы должны рассчитывать исключительно на себя, не иначе. Рано или поздно я поймаю момент, и мы сбежим отсюда, не зря Сережа держится у меня на виду и постоянно поглядывает на меня. Об этом мы условились уже давно, чтобы в случае чего он мог быстро среагировать и рвануть отсюда как можно дальше. Правда, пока не то что ни одного шанса не было, даже ни одного намека, а все потому, что в случае побега нашему главному надсмотрщику не сулит ничего хорошего.

Ну ничего, я терпеливый, все равно сбегу, а если этого жирного урода не казнят за прецедент, то я сам потом вернусь и прикончу его!

Глава 2

В рабском мире утро начинается не с кофе, да и не с завтрака, и даже времени на то, чтобы раскататься, у нас нет. Встали, ноги в руки, и вперед за работу. По всему телу слабость от плохого сна, в желудке пустота от недостатка пищи, а настроение ниже плинтуса, ведь ты раб, чему радоваться? Для многих это конечная остановка в жизни, ведь сбежать из-под гнета не так уж и просто. К тому же подавляющее большинство — обычные безвольные слабаки. Как-то раз, еще летом, я разговаривал с одним старичком. Ему было лет семьдесят, старый, весь седой, едва стоял на ногах, я все удивлялся, на кой-черт его в рабы взяли, толку от него никакого не было.

Так вот, он сказал мне очень интересную вещь: «Люди в современном мире делятся на три категории: овцы, волки и овчарки. Овцы предпочитают верить, что все обойдется и будет хорошо. И если зло заявляется к ним на порог, они не в состоянии себя защитить. Волки используют насилие, чтобы угнетать слабых. Они сильны от природы и очень агрессивны. И овчарки — это люди редкой породы, и они способны дать отпор волкам. Но грань между последними двумя типами очень тонка, и сам не заметишь, как переступишь ее. И как правило, овчарки переходят в стаю волков, а не наоборот».

Я часто прокручивал в голове его слова и все думал, кто же я? Волк или овчарка? Мне плевать на людей, и я не хочу их защищать. Но когда вижу, как угнетают других, руки так и чешутся вступить и проучить обидчиков. В целом я точно знал, что я не овца и никогда ей не стану. Так что смиренно идти на убой гонимым волками — это не про меня. Огонь в моих глазах не погаснет до самой смерти. И, уходя на тот свет, я должен знать наверняка, что прошел свой путь достойно. Умереть лучше с оружием в руках, а не от очередного обвала перекосившегося здания. И Сереже я не позволю всю жизнь проходить в этом чертовом ошейнике.

* * *

Холодный северный ветер обдавал меня резкими порывами, осыпая кирпичной и бетонной пылью. Сегодня небо было почти безоблачным, и я даже увидел яркое солнце, правда, оно совсем не грело, а только исполняло роль лампочки.

Мозолистые руки сжимали рукоятку тяжелой кирки и раз за разом наносили удары по бетонной плите. Выбивая камни, я откидывал их в одну сторону, а более-менее целую арматуру складывал в другую. Огромный квартал из разрушенных домов выглядел как муравейник. Люди стучали инструментами по камню, разбивая его на куски, и растаскивали по сторонам, превращая некогда захламленную землю в ровную площадку.

Из разговоров охраны я слышал, что город подвергся сильному ракетному обстрелу. Оттого он был в таком состоянии. И по-хорошему, было бы проще построить новый город в другом месте, нежели восстанавливать этот. Но их предводитель по каким-то собственным причинам решил обосноваться именно здесь. Поэтому все они и мы вынуждены корячиться в этом месте. И все гадают, что мы будем делать зимой, ведь в сильный мороз и снег работать физически будет невозможно.

Нанес очередной удар киркой по плите, та наконец-то лопнула и разделилась на две части. Я даже немного вздрогнул от неожиданности, так как под ней провалилась земля, и я увидел темный вход в какой-то подвал. Дыра получилась очень большой, и я, осмотревшись по сторонам, сразу же спустился в нее. Подобные явления не редкость во время наших раскопок. Но главное — есть шанс найти что-нибудь полезное для себя. Все же город был расстрелян еще в первые полгода с начала зомби-апокалипсиса, а значит, разворовать его не успели.

Спустившись вниз, увидел три бетонные ступеньки, ведущие ниже, ступеней было гораздо больше, а остальные были засыпаны обломками бетона и кирпичей. Но главное — это то, что этот спуск вел к двери, и, если я все правильно понимаю, это реально был спуск в под-

вал. Дверь была железной и все еще сохраняла свою прочность, так как, после нескольких ударов ее ногой, она не то что не проломилась, даже не сдвинулась с места. Согласно установленным правилам, мне было необходимо сообщить о двери полицию, а тот должен был произвести доклад охране, и уже в их присутствии нужно было ее вскрывать. Но я же не идиот идти и сразу рассказывать, вдруг там найдется хоть что-то полезное, одежда или еда. Так что свой шанс упускать максимально глупо. «Не очаровывайся, чтобы потом не разочаровываться». Именно по такому принципу я живу последние месяцы, особенно когда натыкаюсь на какие-нибудь подвалы, шкафы и сейфы. Вот сейчас понадеюсь на то, что там склад с тушенкой или теплыми вещами, а то и вовсе вход в тоннель, что выведет нас с Малым отсюда. А дверь открою, и там увижу несколько скелетов, и все. Так уже бывало не раз, оттого и не спешу радоваться. Пару часов я осторожно отгребал спрессованный мусор от двери в сторону. А когда дверь была очищена, я сбил киркой навесной замок и отворил дверь. Солнечный свет не попадал в подвал, так что пришлось тратить драгоценные спички.

— М-да. — недовольно фыркнул я, осмотревшись по сторонам.

Внутри было пусто, только небольшой стеллаж стоял у противоположной стены. На первый взгляд я не увидел ничего полезного для себя. Только рыболовные снасти, пустые стеклянные банки и небольшой школьный рюкзак с изображением Микки-Мауса. Осторожно открыв и поискав рукой по его содержимому, я нащупал там тяжеленькую консервную банку и какую-то вязаную вещицу. Выйдя на свет, я осмотрел находки, банка оказалась со сгущенкой, а вещицей был небольшой вязанный свитер. На меня он, конечно, не налезет, а вот Малому придется впору. Заперев за собой дверь и засыпав ступени мусором, я вылез на поверхность и дождался, пока мой бурлак прикатит свою телегу.

— Держи. — прошептал ему я и протянул свитер. — Спустись вниз и быстро надень.

— А себе?

— Мне мал.

— Врешь?

— Надеюсь, что хоть на тебя налезет. — отмахнулся я.

Малой кивнул и нырнул в дыру. Там он быстро скинул с себя куртку и рваную кофту, а затем натянул на себя свитер.

— Ну как?

— Немного жмет.

— Ничего, растянется. — улыбнулся я. — Лови. — кинул я ему банку сгущенки.

— Ого! Откуда?

— От верблюда, вскрывай и пей.

— Ты первый! — возмутился он.

— Боишься, что отравлена?

— Очень смешно, у меня и так и свитер и носки, а у тебя дурацкий шарф.

— Оставь мне половину, не больше. — строго произнес я.

— Хорошо. — согласился Малой и вынул из кармана небольшой перочинный ножик.

Протерев рукавом банку и проткнув ножом в крышке два отверстия ниже и выше, он припал к ней. Сделав несколько глотков тягучей сладкой жидкости, он расплылся в улыбке.

— Как?

— Нектар! Ничего вкуснее в жизни не пробовал! — радостно ответил он.

— Давай, не засиживайся, пей быстрее.

Я всегда был равнодушен к сгущенке, но сегодня она и правда показалась невероятно вкусной. Я с удовольствием допил остатки и, сильно замяв пустую банку ногой, погрузил ее в тележку Сережи, чтобы он выбросил улики. А уже после этого сообщил полиции о том, что наткнулся на дверь.

Уже через десять минут около меня собралась целая делегация из вооруженной охраны. Один из охранников спустился со мной в подземелье и фонариком осветил все вокруг.

— Не входил? — грозным тоном спросил он.

— Нет, еще жить хочется.

— Вот и правильно! Давай откапывай!

— Слушаюсь. — кивнул я и приступил к работе.

Откопав дверь, я по приказу охранника вошел первым. Мало ли там какая опасность внутри, эти уроды очень боятся за свои жизни, так что в подобные места первыми всегда входят рабы.

Выждав немного времени, в подвал вошел и охранник и, осмотрев там все, приказал вынести все на улицу, а после группа рабов утащила стеллаж и все, что на нем было, в сторону казармы. Разумеется, охрана также прибирала себе к рукам что-нибудь полезное, а уже потом отправляла дальше. И каждый раз, когда находили такие подвалы, они надеялись найти там склад алкоголя или хотя бы самогонный аппарат. Правильно говорил Салтыков-Щедрин: «Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют». Даже конец света ничего не изменил.

* * *

Обед, как и весь наш рацион, состоял из жалкой похлебки с хлопьями из овощей. А со стороны казармы охраны частенько залетали ароматы нормальной пищи. Наваристый суп, жареное мясо и свежее испеченный хлеб.

Совсем не понимаю логики руководителя этой стройки. Рабы без нормальной пищи не могут показывать хороший результат. А еще начинают помирать как мухи. В неделю минимум от истощения умирают по пять-шесть человек. И это только начало, дальше все пойдет цепной реакцией, и люди один за другим будут падать, словно расставленные в линию домино. И что тогда? Жирующая охрана и начальство сами возьмут в руки инструмент и пойдут вкалывать? Недальновидные ублюдки.

Нахлебавшись горячей жижи, все вернулись к работе. Стук и грохот инструмента наполнил окрестности, охрана стояла на постах и прятала лица в поднятые ворота бушлатов, чтобы спрятаться от ветра.

— Эй ты! Ты что-то долго тут возишься! Уже третий день на одном месте ошиваешься! Думаешь, я этого не вижу! — отвлек меня от работы брызжащий, мерзкий голосок.

Подняв голову и повернувшись в сторону, я увидел худого парня лет так двадцати пяти-тридцати. Это был полицейский, узнать их было легко, так как им выдавались черные фуфайки с белой повязкой на правом рукаве. Оттого их, собственно, и прозвали полицейскими, только фуражки не хватало. У меня всегда возникало чувство, что как только они надевали казенную одежду, память у них тут же отключалась, и они забывали, как тяжело приходится работать и как сами ненавидели этих полицейских.

— А ты встань и по монолитному бетону сам постучи! — отмахнулся я от него и продолжил работать.

— Ты как со мной разговариваешь? Червь! — возмутился он до глубины души и покраснел от злости.

— Обычно, как и все разговаривают!

— Ты еще об этом пожалеешь! Ой как пожалеешь! — пригрозил он мне указательным пальцем и пошел по своим делам.

Я же в ответ просто пожал плечами и продолжил работать. Много тут таких важных и напыщенных, их потом, как п

равило, из-под завалов достают или находят со свернутыми шеями. Тут мне, конечно, очень хорошо помогает наука Ястреба. Сначала думай, потом делай и думай на холодную

голову. Вот теперь я и подумаю, как бы сделать так, чтобы этот полицейский залил своей кровушкой тужурку и окрасил белую повязку в алый цвет.

Несмотря на лютые холода, у осени было одно преимущество, а именно — короткий световой день. Даже глупое начальство понимало, что работать в темноте — дело гиблое. Да и охрана ни черта не видит, а прожекторов нет, да и дров на большие костры не напасешься, к тому же света от них все равно мало. Поэтому, как только стемнело, все убрали инструмент и пошли в свой торговый центр на отдых.

Но разве это отдых? К вечеру небо опять затянуло тучами, северный ветер принес на своих плечах ледяной дождь. На улице резко похолодало, одежда промокала, а под ногами образовывался лед. Как итог, только за сегодня десять двухсотых, а еще семь триста разной степени тяжести. И тех, кто не оклемается за пару дней, отправят на тот свет. Никому не нужна хромая лошадь. Вот и вся мотивация не болеть и не притворяться больным. Всем плевать, понос у тебя, сломано что-то, не можешь работать, значит, ты не нужен. А рабов новых купят и привезут, сегодня после обеда новую партию из сорока голов привезли.

* * *

Мы сидели с Малым и пили горячую воду. Ужин, как обычно, был скудным, но нам было нормально, так как удалось разделить банку сгущенки. Такое бывает нечасто, но бывает, в прошлый раз мы умяли банку кильки в томате, и тоже вкусно было невероятно. «Голод не тетка, пирожком не угостит». Оттого все так хорошо и съедается, я бы сейчас и от консервированного собачьего корма не отказался, которым кормили в камере у людоедов. Как ни крути, все познается в сравнении.

— Эй, парни! — привлек к себе внимание новенький мужчина, что сидел в компании парочки громил.

— Чего надо? — нахмурившись, ответил я.

— Дайте-ка нам свою посуду, а то мы обзавестись еще не успели. — улыбнувшись и продемонстрировав свои желтые зубы, протянул он руку.

— У повара возьми, найдет что-нибудь для вас.

— Не, парень, ты не понял, это не просьба, это приказ. Делай, что велено, если не хочешь, чтобы с тобой ночью случилось что-нибудь плохое.

— Рекомендую спрятаться куда подальше, не то я тебе сломаю ногу и руку. И пристрелят тебя, как старую бесполезную клячу. — прямо сказал я ему.

— Братва! Смотри, какой ершистый! Я ведь по-хорошему просил, ну ничего, бывает. — улыбнулся он и отвернулся, напоследок стрельнув в меня многозначительным взглядом.

Конфликты среди рабов — дело обычное, особенно с новенькими. Каждый мнит себя самым сильным, умным, важным и, главное, все как один не хотят работать, а хотят жить за чужой счет. Но еще никому это не удавалось, каждому из них прилетает по голове камнем, душат ночью и ломают конечности. Народ тут уставший, озлобленный, но отчасти мирный. И когда некоторые особо умные начинают выступать. Отлынивать от работы, отбирать вещи и еду, то начинается полная жуть. Мораль как в одной матерной басне: «Толпою гасят даже льва».

И эта троица совсем скоро об этом узнает. Рабы тут обычно собираются крупными группами, а они увидели, что мы с Малым только вдвоем. Видимо, решили, что мы отщепенцы, вот и надавили, но очень сильно прогадали. Наша с Малым репутация безупречна, все коллеги по цеху знают, что к нам лучше не лезть. Как говорится, где сядешь, там и слезешь. Еще в первые дни мы свернули несколько шей и сломали с десятков носов. Не говоря уже о случайностях с полицейскими. Одному особо одаренному и осторожному я под утро подложил найденную бутылку водки. Часть я влил ему в глотку и облил одежду. Охрана была рада его видеть утром пьяного. Он пытался все свалить на меня, но кто же ему поверит? С нарушителями разговор короткий: ошибся — и обратно в рабы, а то и вовсе расстрел. В данном случае его понизили в

должности, а на следующий день на него упала кирпичная стена. Вот так вот бывает в нашем рабском мире, и сегодня намечается очередной урок для новеньких.

* * *

После приема пищи нас всех разогнали по помещениям, и мы, как обычно, залегли в своем уголке. Та самая троица разместилась в центре кинотеатра, предварительно разузнав, где находится наша лежанка. Для нас с Малым это было не в новинку, когда кто-то хотел навредить нам ночью.

Эта троица явно была обделена интеллектом, обычные тупые быки, которые умеют все решать исключительно силой. Им было невдомек разузнать, кто мы такие, но теперь, чтобы показать свою важность, они просто обязаны угробить нас с Малым. Будь моя воля, их бы уже не было в живых. Но, увы, за открытое нападение я и сам отправлюсь вслед за ними. Так что оставалось только ждать, и тут вся троица не подвела. Видимо, хотели поспать, оттого тянуть не стали. Но оно и верно, чего стесняться, вокруг темнота, почти ничего не видно, лишь несколько факелов едва освещали большой зал.

Тени замелькали между телами спящих рабов. Мы с Сережей их заметили сразу и сделали вид, что спим. У одного быка в руке был кусок арматуры, у второго обрезок трубы, а у третьего ничего, только кулаки.

Едва они приблизились к нам, как я молниеносно сделал ближнему подсечку, вышибая из-под него ноги. Бычара повалился на спину, и на него напал Сережа. Вскочив на ноги, я переключился на парочку. Все было как я и ожидал, тупые громилы без подготовки, сила есть — ума не надо. Оружие было выбито из их рук, а затем я сломал каждому по несколько ребер, как и Сережа хорошенько отработал первого.

Хрипя от боли, все трое, извиняясь за свое поведение, побитыми собаками отправились к месту лежки. А что мне их извинения? Они уже трупы, просто еще не знают об этом. Сломанные ребра не дадут им работать, а тот, кто не работает, не только не ест, еще и не живет.

Глава 3

Утро, новый день сурка объявлен открытым. Уставший народ отправился на выход из провонявшего потом и грязью помещения. А несколько человек остались на своих местах. Та самая троица провела незабываемую, бессонную ночь, еще бы, со сломанными ребрами, как говорится, ни вздохнуть, ни пукнуть. Но и помимо них еще четверо пожилых мужчин отправились в мир иной.

— Что, мужики, больно? А нечего было между собой драться! Ишь, что удумали! Как работать теперь собираетесь? — громко крикнул я, обращаясь к троице.

Сделал я это не просто так, теперь все, слух полетел по всем рабам, и если охрана поинтересуется, что с теми случилось, все будут говорить, что они повздорили между собой. И никто, даже если и видел, не скажет, что конфликт был именно с нами. Хотя охране по сути на все плевать, слишком уж они высокомерны, чтобы разбираться в проблемах рабов.

На этом утренние происшествия не закончились. Едва нас вывели на рабочую территорию, как один из рабов сорвался. Он был новеньким, я еще вчера его приметил. Холеный паренек, молодой, жирный, явно до рабства жил припеваючи и попал сюда, скорее всего, по собственной глупости. Парнишка сильно испугался, да еще и испытал паническую атаку. Он заметался в толпе, начал расталкивать всех по сторонам и истерически кричать.

— Нет! Я так больше не могу! Не буду! Не хочу! Оставьте меня в покое! Отпустите! Я не должен тут находиться! Отпустите! Не могу больше! Не могу! Не могу! — кидаясь по сторонам, кричал он, а затем рванул в сторону ограждения из колючей проволоки.

Парень добежал до нее и схватился руками за острые шипы в надежде перебраться через них. Но кто же ему позволит это сделать? Короткая очередь раздалась за моей спиной. И в аккурат между лопаток парня, на его потертой временем синтепоновой курточке появилось три отверстия. Тело вздрогнуло и больше не подавая признаков жизни повисло на изгороди.

— Кучно бьешь! — раздался насмешливый выкрик охранника к стрелку, что стоял на вышке.

— А то, что ты думаешь, зря свой хлеб ем? — гордо ответил он.

— Уберите его отсюда и прикопайте где-нибудь! — обратился к нам полицейский, и двое рабов, что стояли в первом ряду, спешно кинулись к парню.

И нет, они не были послушными и исполнительными или переживали за парня. Им, скорее всего, приглянулись его вещи, хорошие ботинки, целые штаны и теплая куртка, и всем плевать то, что она теперь рваная на спине и вся в крови, засохнет, сама отойдет.

* * *

Вокруг царила рабочая атмосфера. Сегодня я осторожно разбивал молотком и зубилом кирпичные стены, стараясь сохранить как можно больше целого кирпича. Работа не сложная, но требует определенного навыка, а то если будет слишком мало целого кирпича, можно и по шапке получить.

— Привет. — поздоровался со мной паренек лет двадцати и присел неподалеку, так чтобы кирпичная крошка не долетала до него.

Этот парень прибыл с нами в один заезд. Обычный среднестатистический тип. Трусливый, слабый, все время держится с кем-нибудь в компании. Но в подлости замечен не был, не стучал, не подставлял и работал как мог. Одет, как и все мы, в лохмотья, худой как спичка, лицо грязное и весь заросший, особенно борода у него выросла весьма пышная и отдавала рыжим цветом. Вообще, глядя на него, я невольно вспоминал Чубаку из «Звездных войн».

— А классно вы вчера этих троих амбалов уложили. — не дождавшись моего ответа, произнес он.

— Это не мы. Они сами! — с нажимом произнес я.

— Да, да, да. — закивал он головой. — Сами, сами, кто спорит. — тяжело вздохнул он. — Я бы так не смог, даже с одним бы не справился, не говоря о троих. Вы смогли, даже завидно как-то.

Я ничего не ответил и продолжал работать, а он сидел и наблюдал за мной.

— Макс, тебя ведь Макс зовут, верно? Меня, кстати, Федором зовут, можно просто Федя. — опять заговорил он, но я не отвечал. — Да, я слышал, как тебя твой брат называет. — ответил он сам себе. — Макс, скажи, как у вас это получается? Как вы это делаете?

— Что делаем? — закатив глаза, уточнил я.

— Держитесь. Вы всегда при деле, не халтурите, ни к кому не лезете, не жалуетесь, не ноете, а просто работаете. В чем ваш секрет? Поделись, пожалуйста.

— Нет никакого секрета, просто делаем и делаем. — равнодушно ответил я.

— А я бы так не смог, я ведь трус и слабак. Каждую ночь рыдаю, как девчонка. — пустил он слезу и зашмыгал носом. — Если бы не был таким трусом, уже бы давно удавился где-нибудь или вены вскрыл, но страшно.

— Если тебе нужна с этим помощь, ты пришел не по адресу! Убирайся отсюда! — крикнул я и кинул в него мелкий осколок кирпича. — Надоело жить, сделай как все, поднимись на крышу дома и прыгни вниз. — все же дал я ему совет.

— Нет, нет, нет. Я не хочу умирать, по крайней мере пока. И ваша помощь мне не нужна, по крайней мере с этим. Наоборот, я хочу предложить вам свою помощь, этакий союз. Интересно?

— Какой еще, нахрен, союз? Какая помощь? Чем ты можешь быть полезен? Вали отсюда, придурок! — возмущенно гаркнул я, едва сдерживаясь от того, чтобы не запустить в него кирпичом.

— Стой, стой, стой! — прошептал он, вытянув вперед раскрытые ладони, словно успокаивая меня. Затем парень поднялся на ноги и приблизился ко мне, словно провоцируя меня на удар. — Макс, я хочу предложить побег. — едва слышно прошептал он.

— Побег? — скучился я. — Что ты несешь? Какой еще, к черту, побег? Где ты и где побег? — отмахнулся я от него.

— Ты меня не так понял. Я не говорю о том, давайте вместе придумаем, как сбежать отсюда или что-то вроде того. У меня есть реальный план. И если тебе интересно, я тебе его озвучу. Вариант стопроцентный и безопасный, головой ручаюсь! — гордо заявил он.

— Если у тебя есть такой стопроцентный вариант, то почему ты еще тут? — скептическим тоном уточнил я, хотя врать не буду, меня это заинтересовало.

— Ну я же тебе говорил, я слабак. Ну сбегу я один, и что дальше? Куда идти? Что делать? А если меня нагонят? Один я не выживу, не справлюсь, поэтому мне нужна помощь.

— А почему именно мы? Что, других союзников у тебя нет? Ты же со многими общаешься, дружишь. — недоверчиво уточнил я.

— Вот именно, я многих знаю, и это тут мы все рабы и друзья-товарищи, и то если дело не касается еды или одежды. А там, за забором, каждый будет сам за себя. Вы же порядочные, ни разу не видел, чтобы вы хоть что-то плохое сделали без причины. Я видел, как ты за ребята заступался, несмотря на грозный вид, вы добрые парни. Поэтому я предлагаю сделку, я выведу вас, а вы доведете меня до первого поселения, где можно остаться и нормально жить, без всего этого рабства. — искренне предложил он.

— Допустим, мне это интересно, что за план? — уточнил я.

— Я не понял! Это что у вас тут за посиделки?! А ну бегом за работу! — сбоку раздался голос полиция.

— Позже. — шепнул он и побежал на свою локацию.

Вернувшись к работе, я все думал о словах Федора. Побег! Звучит очень заманчиво, и если бежать, сейчас на это самое время, иначе скоро станет совсем холодно. Плюс снег пой-

дет, и минусовая погода установится, сбежать будет практически невозможно. Найдут по следам, а не найдут, можно помереть с голода или замерзнуть до смерти. А ждать весны — дело сомнительное, можно и не дожить до нее. С сильными холодами придут болезни, люди и так умирают быстрее, чем новые попадают сюда. Как бы еще и не заразиться чем-нибудь, тот же самый туберкулез или иная зараза. Врачей нет, даже легкая простуда может довести до ямы в земле или погребального костра. Но один вопрос все же не давал мне покоя, как этот парень решил бежать? Я столько вариантов перебрал, но ни один из них даже близок не был к успеху. Только очень сильные рискованные кое-как могли увенчаться успехом, но там было слишком много рискованных. А Федя утверждает, что его план безопасен. Так что-либо я чего-то недоглядел. Либо Федя какой-то гений и придумал то, что мне в голову даже не пришло. Федя вернулся спустя пару часов и присел на то же самое место. Он осмотрел все вокруг заискивающим взглядом и поздоровался с Сережей, что как раз грузил целые кирпичи в свою тележку.

— Ну что, подумал? — уточнил он.

— Пока не о чем думать, сначала расскажи свой план. — спокойно ответил я.

— А вы меня не кинете? Вы выполните свою часть сделки?

— Если все выгорит, то, слово даю, выполним. При условии, что нас не убьют раньше.

— Хорошо, тогда слушайте. — придвинувшись поближе, прошептал он, и мы с Малым сели перед ним на корточки. — Вчера утром я ломал бетонное перекрытие, и оно обвалилось. Я увидел ход, сами знаете, как это бывает. Решил, что там подвал, понадеялся на то, что найду чего поесть или одежду какую, но не тут-то было. Оказывается, это канализационный коллектор. Труба большая, а воняет там просто жуть. — сморщившись, зажал он свой нос. — И я что-то поперся по ней, дай, думаю, погляжу, куда она выведет. Шел, шел, она все никак не кончается, а потом бац! Резкий поворот, выхожу, а там окраина огорода и берег узкой речки, а за речкой лес. Все, выходи, переходи реку и беги куда глаза глядят. Я, конечно, сразу побежать хотел, но одумался, так как понял, что один не выживу. А когда вернулся и вылез на поверхность, охрану увидел, у меня чуть сердце из груди не выскочило, думал, все, конец мне. А это они к твоему подвальному ходили. В общем, я вход замуровал и стал думать, как быть дальше и с кем бежать, и решил, что лучше, чем вы двое, кандидатур нет. Ну так что? Что скажете? — поинтересовался он.

— Звучит хорошо, пошли. — согласился я, понимая, что наверняка это наш единственный шанс на побег.

— Что, прямо сейчас? — удивился Федя.

— Да, чего тянуть? — ответил за меня Сережа.

— Нет, сейчас нельзя. Полицей за нашу прошлую беседу назначил меня дрова охране таскать. Если сбежим, шум поднимется раньше, чем нужно.

— Черт. — сплюнул я в сторону.

— Хорошо, тогда не теряйся, води себя как обычно. Будь тише воды и ниже травы, а завтра утром сразу же уберемся отсюда. А теперь иди, не отсвечивай. — согласился я.

— Спасибо, парни! — расплылся в улыбке Федя и спешно ретировался от нас.

— Что скажешь? — обратился я к брату.

— А что тут сказать? Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, но других вариантов нет. Должно же нам было повезти рано или поздно. — с надеждой в голосе проговорил он.

— Боюсь, как бы тут подставы какой не оказалось. — высказал я свои переживания.

— А какая тут может быть подстава? Если Федю возьмут вместе с нами, нам всем несдобровать. Так что я не вижу ни малейшего повода ему тут оставаться.

— Твоя правда.

* * *

День тянулся невероятно долго. Я прокручивал в голове план побега и даже думал, куда бы нам деться на зиму и куда вообще бежать. И идея была добраться до переправы к старику в

гости. Думаю, не откажет, примет, откормит, отпоит, а мы уже оплатим чем сможем по мере сил и способностей. Как минимум сможем его бойцов натренировать в армейском деле, в той же снайперской стрельбе. А на крайний случай и в ПостАпово можно уехать, генеральша поди нас не забыла.

Во время ужина произошло весьма приятное событие, кто-то из рабов нашел пачку сигарет и вместо того, чтобы отдать ее охране, раздал сигареты всем желающим. Одна сигаретка досталась лично мне. Выкурить в одиночку я, конечно, ее не сумел, так как тут же набежали желающие, и мы сыграли в старую игру «Цыганочка»: пускали сигарету по кругу и держали в себе дым, пока она не вернется к тебе. Учитывая количество желающих, я смог затянуться всего три раза, но эти три затяжки горьким дымом, как по мне, показались куда слаще вчерашней сгушенки. Никотин ударил по голове, и я немного потерялся в пространстве, но это быстро прошло.

Как назло, Федя так и не появлялся. Хотя знаю я, как это бывает. Отправили тебя дров охране натаскать, так они попутно навалят на тебя еще массу задач. Территорию подмети, помой, воду натаскай и так далее. Но были и плюсы, порой подкидывали какой-нибудь еды, Сереже как-то банка шпрот обломилась, чему он был очень рад.

Ночь прошла относительно спокойно, но нормально поспать не удалось, так как всю ночь десятки людей то и дело исходили на кашель, того и гляди легкие свои выплюнут. Мы же с Малым, чтобы хоть как-то защищаться от заразы в людных местах, закрывали лица шарфами.

С красными от недосыпа глазами и больными от бетонного бола спинами мы вышли из кинотеатра и спустились в главный холл. Там-то я и увидел Федю, что с печальным видом шагал в строю. Мы с Малым, не привлекая к себе внимания, пошли за ним следом и настигли его в очереди за получением инвентаря.

— Ну, привет. — произнес я.

— Привет, парни, а я вас потерял. — улыбнувшись ответил он.

— Все в силе? — вопросительно посмотрел я на него.

— А как же! — закивал он.

— Тогда пошли.

— Пошли.

Народ стайками разбрелся на свои участки для работы. Я шел следом за Федей, сжимая в руке кирку, а Сережа со своей тележкой плелся позади. Мы подошли к фундаменту какого-то промышленного здания и вопросительно посмотрели на Федю. Тот указал пальцем на грудку мусора, и мы начали спешно ее разгребать. Парень умно придумал, наложил на дыру в земле кусков арматуры, соорудив каркас, а сверху накидал обломков кирпичей и бетонной крошки.

Освободив проход, он сразу прыгнул вниз, затем я помог спуститься Сереже и уже потом полез сам. До дна было неглубоко, так что я, вытянув руки из-под земли, вернул на место арматуру и положил на нее камни, чтобы хоть немного прикрыть яму.

У Феде при себе оказался дешевый китайский фонарик, но не на батарейках, а со специальной клавишей, нажимаешь на нее, она вращает механизм, и он вырабатывает электричество, которое в свою очередь подается на лампочку. Свет тусклый, плюс сам фонарь достаточно шумный, но это лучше, чем ничего, а то тут темно хоть глаз выколи.

Вонь стояла жуткая, ноги утопали в неприятной жиже, похожей по консистенции то ли на слизь, то ли на жидкий битум. Но мы не ныли, просто шли следом за Федей и шли достаточно быстро. Труба была примерно полтора метра в диаметре, и местами от нее вверх поднимались колодцы канализационных люков и притоки куда более мелких труб. Шли мы порядка сорока минут в одну сторону. И тут в мою голову начали закрадываться какие-то нехорошие мысли и предчувствия. Нутро словно взвыло, предупреждая об опасности. Но дуновение свежего воздуха прогнало все плохие мысли, и мы ускорились еще сильнее. Я увидел блеклый свет в конце

тоннеля, затем мы уперлись в тот самый резкий поворот, и, повернув, я увидел выход. Труба была затянута камышами, что маскировали вход в нее.

Встав на край трубы, я посмотрел вниз, до земли было метра полтора. Не думая ни о чем, я спрыгнул и помог спуститься остальным. Все, как и говорил Федор, впереди была небольшая, мелкая речушка в ширину метров пять от силы, а сразу за ней начинался лес.

— Свобода! — радостно прошептал Сережа.

— Да, брат, свобода! — хлопнул я его по плечу и посмотрел на Федора. А парень совсем был не рад, наоборот, он весь съежился и уводил взгляд в сторону. Словно нашкодивший котенок.

— Что с тобой? Ты в порядке? — уточнил я.

— Простите, ребята. — проблеял он, словно овца.

— А ну руки вверх! Идем сюда по одному! — раздался выкрик со стороны, и слышались звуки снимаемого с предохранителей оружия.

— Ах ты ж сука! — выкрикнули мы с Сережей в один голос.

Над трубой стояло десять вооруженных охранников во главе с главным, местным надзирателем и тем самым полицаем.

— Я не хотел, ничего личного. — прошептал Федя.

— Павлик, сука, Морозов! Продал нас, а мог бы жить и жить... — с презрением произнес я.

— За что хоть продал? За коробку печенья и бочку варенья? — плюнув ему в лицо, спросил Сережа.

— За свободу. — вытирая слюну рукой, ответил Федя.

Глава 4

С самого начала зомби-апокалипсиса я пережил многое. Потерю родителей, близких друзей, пересек почти всю страну, десятки раз находился на волоске от смерти. Но сейчас я угодил, наверное, в самую опасную ситуацию из всех. И кто бы мог подумать, что я поведусь на банальную провокацию и погублю не только себя, но и Сережу.

— Поднимайтесь на дорогу! И руки держите так, чтобы я видел! — гаркнул один из охранников, указав направление движения дулом своего автомата.

— Малой, я нападу на них, а ты беги. Беги так быстро, как только можешь. Все будет хорошо. — прошептал я Сереже.

— Нет! Так не пойдет, ты погибнешь! — не согласился он и посмотрел на меня глазами, на которых проступили слезы.

— А так мы погибнем оба. Как знать, может, обойдется.

— Я сказал нет. Вместе до конца, что бы там ни было! — фыркнул он и ускорил шаг.

— Разговоры отставить! — прикрикнул полицейский, видя, как мы перешептываемся. — Ну что, червяк, я же сказал, что ты об этом пожалеешь. — искаившись в ехидной, злорадной гримасе, добавил он, как только мы с ним поравнялись.

Но я просто проигнорировал его слова, чем привел в легкое недоумение. Я не стал доставлять ему удовольствие и кидаться в драку. А очень хотелось свернуть ему шею, но, увы, я этим ничего не добьюсь.

Несмотря на отказ Сережи, я все равно хотел напасть на охрану, а потом дать ему команду к побегу. Никуда не денется, побежит, а там уже разберется как-нибудь. А я? А что я? Погибну смертью храбрых, прикрывая его, я ведь старший брат как ни крути и должен его защищать даже ценой собственной жизни. Не сказать, что о таком я мечтал, но жизнь — боль.

Наша троица беглецов вышла на дорогу, и охрана, к моему большому сожалению, оказалась опытной и грамотной. Они взяли нас под конвой и держали дистанцию порядка трех метров. Стоит мне только дернуться на одного из них, как меня просто пристрелят, и никакой суматохи создать не получится. А мне бы вырвать один автомат и начать палить по ним, но пока никак.

Колонна двигалась вперед по разбитой дороге, Федя плелся позади Сережи побитой собакой. Он, видимо, не так представлял себе данный момент. Наверное, думал, что его начнут хвалить, снимут рабский ошейник, накормят, напоят и отпустят на все четыре стороны. Слабоумный, недалевидный, наивный ублюдок!

Нас вывели на территорию лагеря, но мы прошли мимо. Что меня сильно удивило, нашу компанию завели на территорию городка, где проживала охрана, а затем завели в отдельно стоящую кирпичную постройку, на двери которой было написано «ГАУПТВАХТА». Около дверей стоял охранник с двуствольным ружьем и, получив команду от начальника лагеря, отворил ее, и нас завели в здание.

Перешагнув порог, мы оказались в небольшом помещении. Вдоль двух стен стояли двухэтажные деревянные нары с матрасами, набитыми соломой. Внутри было относительно тепло и, можно сказать, уютно. А по сравнению с тем местом, где мы спим последние две недели, это вообще пятизвездочный отель.

— А как же я? Мы же договаривались? За что меня? — начал возмущаться Федя, когда понял, что сейчас окажется с нами в одном помещении, и это явно не гарантировало для него ничего хорошего.

— Иди давай! Урод! — злобно прошипел охранник и пинком под зад придал ему ускорения.

На Федю я пока не обращал никакого внимания, лишь осматривался по сторонам. В самом углу на втором ярусе сладко похрапывая спал какой-то человек, и, судя по одежде, он был не из рабов. В остальном внутри больше ничего не было, разве что в углу стояло большое ржавое ведро, от которого сильно несло туалетом, в простонародии его называли «параша».

— Макс, что происходит? — шепотом спросил у меня Малой. — Я думал, нас казнить будут, показательная порка и все такое.

— Не знаю, братан, вероятно, будут. Возможно, им подготовиться надо, а сюда загнали для надежности. — предположил я и потом перевел свой взгляд на стоящего за порогом Федю.

Парень имел уж очень бледный вид и трясся от страха. Его глаза внимательно следили за каждым моим движением, и стоило мне немного пошевелиться, как он вздрагивал.

— Ну что, Федя, как тебе сложившаяся ситуация? — спокойным тоном спросил я у него.

— Я не хотел, чтобы все так получилось.

— Прямо-таки все? — ухмыльнулся я. — А мне кажется, хотел, очень хотел, кроме одной маленькой детали. Ты думал, тебя похвалят и отпустят, но не срослось. Рассказывай, как все было! Пока я тебе пальцы ломать не начал! — пригрозил

я ему.

— Что рассказывать?

— Все! Зачем ты нас сдал? Кто тебя надоумил, кто ход подземный показал и так далее!

— Я ход правда сам нашел. Выбрался по нему до реки и хотел сбежать. Но потом подумал, что не выживу и, скорее всего, опять попаду в плен. И тогда мне в голову пришла мысль, что если я сам покажу свою преданность охране, то, может, меня хоть как-то похвалят или хотя бы повысят до полицейев, все жить легче будет. Ну я все им и рассказал. Охрана меня выслушала и сразу отвела к начальнику лагеря. Там я уже ему все пересказал, и он даже дал мне большой кусок жареного мяса и вкусного белого хлеба. Роман Михайлович, так зовут начальника. Пока я ел, он о чем-то размышлял, а потом сделал мне предложение, от которого я просто не мог отказаться. Он предложил мне вывести кого-нибудь по этому ходу наружу, чтобы он поймал беглецов с поличным. Зачем это ему нужно, мне неизвестно. Но в награду пообещал меня сделать охранником. Служба не самая простая, зато без ошейника, нормальная одежда, вкусная и сытная пища, и никто больше не посмеет меня пленить. Не жизнь, а мечта. Затем он вызвал полицейя, того самого, что был с ним, когда нас поймали. Он сначала устроил ему взбучку за то, что тот не доглядел, а потом озвучил план. Полицей, конечно, был невероятно зол на меня за то, что я не пришел сначала к нему. И начал угрожать, но смиростивился и сказал, что уговорить на побег я должен именно вас двоих, иначе он сделает так, что я просто не доживу до побега. А он человек очень злой, он мог легко это устроить. Разумеется, я согласился и пошел уговаривать вас. Он тогда еще для убедительности вмешался в наш разговор. А когда мы с тобой обсудили, я вечером сходил на доклад и рассказал о нашем сговоре. А дальше вы все и так знаете. — поникнув, закончил он свой рассказ.

— Эх ты! Федя, Федя! Сейчас бы сидели в лесу у костерка, запекали бы на огне зайчика или рыбку какую! Тварь ты! Да такая, что слов других нет! Удавить бы тебя прямо сейчас по хорошему! Да, боюсь, это будет слишком легкой смертью для тебя! — злобно процедил я, едва сдерживаясь, чтобы не накинуться на него.

— Обрадовались удаче, повелись. — тяжело вздохнув, произнес Сережа.

— Не то слово, братан. Ястреб же тысячу раз говорил никому не доверять. А ведь что-то екнуло у меня, когда он сразу бежать не согласился. Надо было еще тогда выбить из него место, где находится тоннель, и сбежать вдвоем. Но нет же, порядочность выиграла! Будь она неладна! Да и перед выходом чуйка взвыла, да свежий воздух меня с толку сбил! Дурак, какой же я дурак! — негодуя, произнес я и улегся на матрас.

— Одного не пойму, зачем это все вообще устраивать? — задумчивым тоном произнес Сережа.

— Пузырь любит разные подянки устраивать, это его фишка. — раздался голос со второго яруса.

— Пузырь? — уточнил я.

— Ну да, Роман Михайлович. — ответил незнакомец. — Он много людей на разную фигню подписал, говорят, в прошлом весьма неплохим опером был.

— Но это тогда. А сейчас отчего? Решил стариной тряхнуть? Подвести людей под статью?

— Не совсем так. Насколько я знаю, завтра, послезавтра в город нагрянет комиссия, вот он и выслуживается. Хочет показать, какой он молодец, побег пресек, баллы, сука, зарабатывает. Повышения хочет! — со злостью произнес незнакомец и спрыгнул со своей кровати.

Незнакомцу на вид было лет тридцать, упитанный, высокий, плечистый. На лице небольшая щетина, большие карие глаза и тонкий длинный нос. Одет он был в черный комбинезон, в таких обычно шеголяет местная охрана.

— Сам кем будешь и за что тут оказался? — поинтересовался я.

— Александр, охранник я, правда, уже бывший. — спокойно ответил он.

— А тут за что, Александр?

— За неподчинение приказу Пузыря.

— О как. Что делать отказался?

— Расстреливать диких, то есть людей, точнее вас, рабов.

— Интересно, а чего это мы дикие?

— А какие? Одичали за последние годы, прям настоящие дикари. Злые, жадные, безбашенные, дикие и есть.

— А чего же ты тогда приказ не выполнил?

— Не захотел, да и не твое это дело, не лезь ко мне с этим. — отмахнулся он от меня и начал руками ощупывать свои карманы.

— Как скажешь. — безэмоционально ответил я. — А что за комиссия едет? Что это такое вообще? — сменил я тему.

— Да комиссия, проверка. Будут смотреть, как он тут рулит всем, как справляется с обязанностями тому подобное.

— А откуда приезжают такие комиссии? Что-то я в толк не возьму, звучит как-то несовременно. — пояснил я.

— Разумеется несовременно. Вы, дикари, от этого уже отвыкли и забыли.

— Да что ты заладил, дикари да дикари. Сами что ли лучше? И еще раз назовешь нас дикарями, я тебе морду набью! — пригрозил я ему.

— Мы, обычные люди. Нам, в отличие от вас, последние годы не приходилось от зомби бегать, выживать, человечину жрать, чтобы с голоду не подохнуть, и многое другое.

— Интересно, а чем же вы занимались?

— Да много чем, спортом, боевой подготовкой, книжки читали, кино смотрели. — прикрыв глаза, мечтательно ответил он.

— Что-то я тебя совсем не понимаю, ты сейчас как недоумок разговариваешь.

— Я вижу, ты не только дикий, но еще и недалекий. Поэтому давай я расскажу все по порядку, и ты сообразишь. — улыбнулся он, а затем выудил из кармана помятую пачку папирос «Беломорканал» и предложил мне папироску. Учítывая, что это может оказаться последняя возможность покурить, отказываться я не стал.

Прикулив папироску, Александр затянулся горьким дымом и вернулся к диалогу.

— Значится, служил я тогда в Екатеринбурге в роте ОМОНа, лейтенантом был, совсем недавно устроился, только-только все зачеты сдал и был допущен к дежурству. Сижy я, значит, никого не трогаю, ночь, делать нечего, залипаю в телефон, видосики смешные смотрю. И тут по громкой связи меня и еще пятерых парней вызывают в дежурку. Помимо нас вызвали еще парней, что были на отдыхе. Всех нас в ружье, причем по-взрослому, броню, оружие, патроны,

да все в огромных количествах. Два автозака загрузили под завязку и отправили нас на стоянку недалеко от федеральной трассы. Приехали мы, значит, на место, а там уже военная колонна стоит и полицейская, и даже чекисты из «Альфы» подскочили. Никто не в курсе, что происходит. Так перекинулись парой слов и выяснили, что все мы настолько вооружены и опасны, что аж самым страшно стало. Словно сейчас поедем соседнюю страну захватывать. Но оказалось всн куда проще. Через пару часов подъехала еще одна колонна, охрана ФСОшная, все тоже в полной боевой, а сопровождали они огромную делегацию из очень больших и высокопоставленных людей. Нам дали команду ехать следом и не отставать. Ехали долго, петляли по разным дорожкам, все гадали, что же тут такое происходит. И с рассветом приехали в огромный подземный бункер. И только там мы узнали, что миру этой ночью пришел конец. Зомби-вирус и все такое. Никто сначала не поверил, но пока была связь, мы могли наблюдать за разными камерами по всей стране. И да, творилась там настоящая жуть. Я думаю, вы и сами все это прекрасно знаете, вы ведь пережили это вживую, даже боюсь представить, как тяжело вам пришлось.

— Это получается, вы все это время просто отсиживались под землей? Сладко ели, горько пили и книжки читали? — возмущенно спросил я.

— Ага, вроде того.

— И как это было? Ничего не екало? Куча подготовленных бойцов, как я понимаю.

— Да паршиво нам всем было. Разумеется, мы рвались в бой, но высшее руководство объяснило нам свой замысел. Идти и сражаться сейчас — это все равно что воду в ступе толочь. Потратим ресурсы, силы, опять же людей, а толку никакого. Идея была выждать несколько лет, а уже после идти и восстанавливать цивилизацию. Кстати, руководители подошли к отбору людей очень грамотно, среди бойцов ни одного женатого мужика с семьей не было. Видимо, на сборы ушло бы слишком много времени. А если бы среди нас были женатики с детьми, то вой поднялся бы страшный и до бунта было бы недалеко. А так просто поворчали и успокоились.

— И как долго вы там сидели? — спросил Сережа.

— Четыре с небольшим года. Сидели бы и дольше, но ресурсы почти закончились, и мы вышли на поверхность. Что творилось в мире, мы толком не знали. Нет, связь у нас была, но только с такими же бункерами, где люди сидели взаперти. Мы провели разведку, пообщались с людьми, выяснили, что да как в мире творится, и поняли, что все очень и очень плохо. Опять же сами все знаете: дикари, людоеды, бандиты, психи и так далее. Наше руководство скооперировалось еще с двумя бункерами, и они решили восстановить для себя город. А потом понемножку восстанавливать цивилизацию. Не знаю, по каким причинам, но целью они выбрали Ульяновск. Но для опорной базы мы захватили под свой контроль Димитровград. Я особо в подробности не вдавался, что и зачем. В руководстве сидят реально умные люди, и они точно знают, что делать. А мы солдаты, наше дело выполнять и соблюдать субординацию. Нам были нужны рабочие руки, но, сами понимаете, желающих на такой каторжный труд не нашлось, а если и находилось, то очень и очень мало. И тогда руководство решило воспользоваться рабами. Как говорится, цель оправдывает средства. Вот так и живем, но я заметил тенденцию, что всех от власти и безнаказанности понесло не в ту сторону. Все стали важными, словно они какие-то дворяне и аристократы. Жизнь людей для них теперь просто пшик. И если раньше такое отношение было только к рабам, то теперь ко всем, в том числе и к подчиненным. И Пузырь в их числе, он та еще сволочь, если честно. Сейчас он ждет комиссию из Димитровграда, приедут большие чины и всюду будут водить носом, что да как. В целом у Пузыря тут все чисто, план работ перевыполнен в два раза. Ну а чего же его не перевыполнить, рабов подвозят, а он их гоняет, как сидоровых коз. Хотя кому я это говорю, вы и сами это прекрасно понимаете. Вот как-то так и живем.

— А чего это ты так все просто рассказываешь? В этом нет никакой тайны? Мы ведь дикари, итить твою мать!

— Так это не то чтобы тайна, но мы не особо об этом распространяемся. Но в целом какая теперь разница? Нас всех показательно казнят на глазах комиссии. Вас в пример всем рабам, а меня в пример остальным бойцам. Причем казнят не просто так, через расстрел или повешанье. Этот урод придумает что-нибудь особенное. Такое, чтобы потом даже вспоминать страшно было, подумаешь послушаться, и картина казни всплывет перед глазами.

— Ой, мамочки! Не хочу умирать! — тут же взвыл Федор, упав на пол, и начал истерически бить кулаками в пол.

— Думать надо было! Урод! — злобно прорычал я, с отвращением посмотрев на Федора.
— Это все из-за тебя!

— Да, дурак парень, тут я с тобой согласен. — согласился Александр.

— А есть вариант сбежать отсюда? Не думал об этом? Может, наметки какие есть? Или ты сдался? Лапки вверх и все?

— Да какой побег? Плевать. — отмахнулся он от меня. — Устал я от всего этого дерьма.

— Серега, ты слышал? Он устал от всего этого! Четыре года в бункере прохлаждался, пока мы от мертвяков бегали и за почти каждый день за свои жизни сражались! А он рабов сторожить устал! Во люди! Если уж мы дикари, то вы слабаки! — злобно прокричал я последнее предложение.

Глава 5

Прошли уже сутки с того момента, как нас заперли в этом помещении. Федя все это время скулил у двери и молил о пощаде, он даже был согласен вернуться обратно в качестве раба, лишь бы не наказание. Благородный воин почти все время лежал на своем топчане и спал. А мы с Малым пытались придумать хоть какой-то способ для побега.

Но увы, ничего, нет ни единого варианта. Дверь заперта, причем прочно, а за ней стоит вооруженный охранник, и он не спит, не филонит, а несет службу как положено. Воочию мы его, конечно, не видим, но слышим, как он порой поправляет оружие, издавая металлические звуки, а еще они ругаются на Федю, так как устали слушать его нытье. Тут нет ни окон, ни дополнительных дверей, только маленькая отдушина под высоким потолком, но через нее не просочиться, даже рука не пролезет. К нам никто не заходит, двери не открывают, не кормят, не поят, вообще ничего. Видимо, не хотят тратить ресурсы на тех, кто уже приговорен к смерти.

Примерно в полдень за дверью послышались голоса, и запертая дверь отворилась. Сразу за ней стояло десять вооруженных охранников, что приказали идти всем на выход. Деваться было некуда, и наша четверка подчинилась. С Сережей мы договорились заранее, что если появится хоть малейшая возможность, мы воспользуемся ей по полной. Лучше уж быстро погибнуть при попытке к бегству, нежели покидать этот мир в долгих мучениях.

Конвой вывел нас на центр городка и выстроил в одну шеренгу. Никто не говорил ни слова о том, что нам предстоит. Так мы стояли минут сорок. Я то и дело озирался по сторонам, в надежде на то, что часть охраны уйдет и можно будет рискнуть напасть. Все же руки и ноги у нас не были связаны, но те, как назло, стояли словно вкопанные и не делали ни единого шага в сторону, да и оружие постоянно было направлено на нас.

Перед нами стояло кирпичное здание с возвышающейся над крышей кирпичной дымоходной трубой. Из трубы белыми клубами шел дым, перемешанный с ароматом запекающегося мяса. Есть, как всегда, хотелось неимоверно, и от такого аромата слюна едва ли не стекала по подбородку. Дверь, ведущая в здание, со скрипом отворилась, и из нее на улицу вышла группа из пяти человек. Здоровые, широкоплечие, с внушительными пивными животами. Лица красные, лоснящиеся волосы. Все как один одеты в армейские шинели, да и погоны у четверки весьма внушительные: один генерал-полковник, два генерал-лейтенанта, генерал-майор и просто майор, это был наш так называемый Пузырь.

— Роман Михайлович, ну ты, конечно, молодец. Я знал, что дела у тебя тут поставлены хорошо, но чтобы настолько складно! Удивил так удивил! — прикуривая папиросу, произнес седовласый мужчина с самым высоким чином.

— Рад стараться, товарищ генерал-полковник! Так стараюсь оправдывать оказанное доверие! Возможно, потом, в будущем, замолвите за меня словечко. — расплывшись в доброжелательной улыбочке, произнес Пузырь.

— Повышения хочешь? — ухмыльнулся генерал.

— А кто ж не хочет? Ведь плох тот солдат, что не мечтает стать генералом! — гордо заявил Пузырь.

— Верно говоришь, майор, верно. — хлопнул генерал его по плечу.

— Роман Михайлович, а чем тут вообще занимаешься в свободное от работы время? Как досуг проводишь? — поинтересовался у него генерал-майор.

— Да нет у меня досуга, со светла до темна на территории проверки провожу, рабов гоняю. А как стемнеет, своих солдат муштрую, чтобы не расслаблялись. Товарищи генералы, вы если чего пожелаете, говорите прямо, все организуем в лучшем виде!

— Не жалеете вы себя, Роман Михайлович, поберегите здоровье, так надрываться. С врачами нынче беда, так что советую поберечь свои нервы и силы, а то так можно и не успеть стать генералом. — ухмыльнулся генерал-полковник.

— Приму к сведению. — закивал в ответ Пузырь.

— Мы с товарищами уже много лет знакомы, еще по генеральской академии. И мы частенько с ними на охоту выбирались в былые времена. На кабана ходили, на оленей и даже на медведя разок. Собственно, это я к чему говорю. Леса у тебя тут хорошие, водится дичь какая-нибудь? А то мы бы с удовольствием прогулялись, кабанчика какого бы на шашлычок подстрелили. Засиделись мы у себя в кабинетах, а размяться хочется. — высказал свои пожелания генерал-полковник.

— Господа генералы, врать не буду, так как порядочность не позволяет. Леса наши хоть и красивые, да густые, но только пусто там. Ребят не раз на разведку отправлял, но даже следов не видали, нет никого, не вернулся зверь в эти края. — с искренним сожалением ответил майор.

— Жаль, конечно, а то мы хотели тебя с собой взять, так сказать, пригласить в наш узкий круг. — выкинув окурок в сторону, произнес генерал.

Пузыря его слова очень сильно задели, он готов был провалиться на месте. Ну еще бы, ему дали понять, что повышение совсем близко, а тут раз, и такой облом. Он начал быстро соображать, бегая глазами по сторонам, в надежде придумать хоть что-то.

— Господа генералы, у нас на подсобном хозяйстве есть пара крупных свиней и овцы имеются. Может, это, мы их в лес пустим и их погоняем? Как вам? И зверь и азарт! — радостно предложил он.

— Майор, ну какой зверь? Какой азарт? Мы в поросю целиться будем, а он сам к тебе подойдет, еще и гляди-ка, пятак о ствол ружья чесать начнет. Не годится. — отмахнулся генерал-полковник.

Пузырь был готов провалиться на месте от досады. Он заиграл желваками и начал опять озираться по сторонам. И тут его взгляд застыл на нас, стоящих без дела, и глаза майора засияли от радости.

— Господа генералы! У меня есть еще одно предложение, оно куда более экстравагантное, но должно вам понравиться! — гордо заявил майор.

— Хм... Что за предложение? — заинтересовался генерал-полковник и прикурил еще одну папиросу.

— Прошу обратить ваше внимание на четверых заключенных. — указал он на нас рукой. — Эти люди, если их так можно назвать, нарушили массу правил, наплевав на них. И по нашим законам, можно сказать, военного времени, они уже приговорены к смерти. Все же я тут и адвокат, и прокурор, и судья, разве что не палач. — улыбнулся майор. — Вот я и хочу вам предложить их в качестве дичи, трое из них представители диких, те еще отморозки, ни чем зверям не уступают. А вот четвертый, к сожалению, из наших рядов, предатель, решил сменить сторону. — как бы с сожалением произнес Пузырь.

Такое предложение генералов заинтересовало, и они приблизились к нам. Все четверо разглядывали нас словно диковинных зверюшек.

— А в чем именно они провинились? — поинтересовался генерал-майор.

— Эти трое устроили побег! Пробились в канализационную трубу, вышли по ней за территорию города и одной ногой, можно сказать, были на свободе. Но я опережал их на несколько шагов и встречал с отделением вооруженной охраны. — гордо заявил он.

— А как вы узнали об этом?

— Вы же знаете, я в прошлом служил оперативником в полиции. Агентура — наше все. Я заметил странную возню на о

дном месте, направил своих людей, и те преподнесли мне свой расклад. Это же звери, за дополнительную пайку баланды они не то что своих собратьев предадут, маму родную сдадут с

потрохами! Сразу их задерживать не стал, дал им возможность немного порадоваться, внушил им надежду, а потом... БАЦ! И принял!

— А вы коварны, товарищ майор! Мне это очень нравится! — похвалил Пузыря генерал-полковник.

— А этот обычный предатель. Перестал слушать приказы, нарушил субординацию и даже напал на меня, если бы не охрана, мог я бы серьезно пострадать. Но вы не подумайте, что я сам тут одичал с этими дикарями и сразу на людей кидаюсь. Я же с ним говорил, пытался вразумить. Каждый ведь может оступиться, ошибиться в суждениях. Как-то не так посмотреть на мир. Но нет, этот человек не изменил своего мнения, вот и пришлось с тяжелым сердцем и его запереть и готовить к казни. Суровой, жестокой и показательной казни, чтобы остальным в пример, а то еще возьмут в моду носами тут крутить. Сами знаете, как это бывает, сегодня один, завтра два, и начнется полный бардак! А дисциплина — она прежде всего!

— Золотые слова, Роман Михайлович! — похвалил его генерал-майор.

— Что скажете касательно идеи? Годится? Или все же казним?

— Годится, еще как годится! — закивал головой генерал-полковник. — Значит так, покорми их, только нормально, пусть сил наберутся. А то совсем доходяги, пробегут полкилометра и попадают от истощения. Завтра утром, как рассветет, приступим к охоте. А пока пойдем выпьем еще по маленькой и правила придумаем, чтобы поинтереснее было. — расплылся он в хищной улыбке.

— Есть! — отчеканил Пузырь, а мысленно уже наверняка примерял на свои погоны дополнительные звездочки.

Генералитет отправился обратно в свое помещение, а Пузырь посмотрел на нас полными счастья глазами, словно пес, которому бросили кость.

— Отвести обратно, нормально покормить из своего котла! И чтоб до утра на них ни царапины! Иначе на вас завтра охотиться будем! — приказал он одному из охранников.

— Товарищ майор, обижаете. Все сделаем в лучшем виде! — заверил его один из охранников.

— Надеюсь на тебя, но ты помни о том, что я сказал.

— Такое не забудешь, жить ведь хочется. — улыбнулся в ответ охранник.

* * *

На гауптвахте сейчас был настоящий курорт. В помещение поставили буржуйку и притащили дров, трубу вывели в отдушину и затопили печь. Притащили гречки с мясом, горячего чая, причем сладкого, и даже сигарет выдали.

Стало тепло, сытно и нос в табаке, а чего еще надо. Узнав о предстоящем событии, мы с Малым, можно сказать, выдохнули с облегчением. Все же лес для нас дом родной, и уж каким-то дряхлым генералам с нами не тягаться, и плевать, что мы ослабли и без оружия. Сейчас отдохнем, сил наберемся, а оружие — дело поправимое, отберем у них и из него же и прикончим.

Нашим же соседям такие перспективы были не по нраву, особенно Феде. Он так и продолжал скулить и уповать на тяжелую судьбу. И я сейчас был очень рад тому, что не удавил его в первый же день. А руки очень сильно чесались уронить его ночью с кровати и разбить голову о бетонный пол. Но теперь у меня появились на него планы, завтра он сослужит нам полезную службу и расплатится по счетам.

Алексей вел себя спокойнее, но все равно заметно нервничал. Он практически не ел, а все больше пил чай и смолил одну папиросу за другой.

— Эй вы! Два брата-акробата! А что у вас такие рожи довольные?! — голосом, полным возмущения, поинтересовался он.

— А чего нам унывать? — ухмыльнулся в ответ я.

— Мы же дикари! Дали пожрать и радуемся. Кишку набили, поспали, можно сказать, жизнь удалась! — начал язвить Сережа.

— Вы что, не понимаете, что нас завтра грохнут?

— Ты бы предпочел, чтобы они это сделали сегодня? — скептическим тоном спросил я.

— Нет, я не хочу умирать. Думал, что мне плевать, но когда сегодня вывели на улицу, сразу все нутро сжалось и страшно стало! Я жить хочу!

— Ну ты же обученный солдат! Вон четыре года в бункере сидел, жрал вдоволь и тренировался. А там четыре пенсионера и Пузырь, ну, может, кто еще будет, неужто не справишься?

— Ага, конечно! Думаешь, все так легко и просто? Во-первых, эти, как ты сказал, «пенсионеры» реально крутые охотники. У них трофеев выше крыши!

— Сам видел? — уточнил Сережа.

— Нет, их байки слышал.

— Тогда дели выше крыши надвое, а то и натрое, и получается уже почти по колено. — рассмеялся Малой.

— Ладно, черт с ними, с трофеями, у нас- руки точно пустыми будут!

— Так отбери ружье. — предложил ему я.

— Ага! Все у вас легко и просто, дели на два, отбери ружье! — передразнил он нас. — Даже если нас не подстрелят, нам все равно никто не даст уйти. Хоть это вы понимаете? Отправят взвод охраны, и те нас выследят! Я отлично подготовленный специалист, правда, боевого опыта маловато. Боюсь, не сдюжу.

— Разумеется, это тебе не рабов расстреливать и не беззащитные города захватывать. А как реальная угроза появилась, заскулил вон как Федя, и лапки вверх! Культурные люди, мать вашу! — огрызнулся я. — Не можешь драться — удавись!

— Правильно ты сказал, Макс, слабаки они! — подлил огня в огонь Сережа.

— А сами что? Дохрена сильные? Раз такие крутые, что же вы в плену оказались? — огрызнулся Алексей.

— Обстоятельства. — пожал я плечами. — Угодили в плен к реальным дикарям, только выбрались и попали к цивилизованным людям.

— Я посмотрел бы на их рожи, окажись они в том бункере! — рассмеялся Малой.

— Ага, они бы как того с обрубками увидели, Федя бы от разрыва сердца умер, а это точно бы в штаны наложил! — подхватил я его смех.

— О чем вообще речь? — уточнил Алексей.

— Малой, расскажи им. — попросил я Сережу, прикуривая папироску.

В течение целого часа Сережа во всех красках и подробностях описал наше приключение в маленьком мирке людоедов. Алексей сидел внимательно слушал и часто задавал разные уточняющие вопросы, словно пытаясь подловить его на вранье. Но не вышло, Сережа вещал без прикрас и тем более каких-то приуменьшений, все как было. Когда дело дошло до момента возвращения туловища человека, где единственной торчащей частью осталась голова, Федю вывернуло наизнанку, и он весь пол уделал еще непереваренной гречкой. А потом и вовсе он так впечатлился, что упал в обморок. А бравый и подготовленный охранник имел весьма бледный вид.

— Это невозможно! — констатировал Алексей.

— Что именно? — поинтересовался я.

— Да вы на себя посмотрите! Вам лет сколько? Особенно ему! — указал он пальцем на Малого. — Я так не смогу, а у меня долгие годы тренировок за плечами. Так что не верю!

— Тренер у тебя был хреновый. Да и мотивации не было, вот и все. Даже сейчас, когда появился реальный шанс спастись, ты, вместо того чтобы продумывать план спасения, продолжаешь ныть. Мало ты умирал, слабак. — спокойно произнес я, глядя на него презрительным взглядом.

— И кто же вас, таких крутых бойцов, тренировал? А?

— Жизнь. — пожал плечами Сережа. — Или ты, или тебя, мотивации просто вагон и маленькая тележка. Завтра попробуешь на себе. Ощутишь, каково это будет. Закон прост: сдался, струсил, проявил слабость — умер. У нас так было всегда. Немного теории, а практика всегда была на деле.

— А теорию тоже жизнь преподавала? — язвительно уточнил он.

— Не, это был Олег, он мне был почти как родной отец. — ответил Сережа.

— А кто такой Олег?

Сережа вопросительно посмотрел на меня, и я ему согласно кивнул. Мол, рассказывай, не стесняйся, так как у меня в голове зародилась идея. Малой затянул еще один, но куда более долгий рассказ. Он поведал им о нашей жизни в тайге с момента крушения вертолета до момента гибели Олега от обезумевшей девушки. Алексей слушал историю с открытым ртом. А Федя даже заплакал в конце, когда Малой осветил произошедшую с нами трагедию в деревне сектантов.

— Стоп-стоп-стоп. — собирая информацию в кучу, произнес Алексей. — Я, кажется, все понял. Если верить вам на слово, то вы реально крутые перцы. Я бы, может, и засомневался в этом, будь у вас хоть малейший повод мне врать. Да и больно складно вы все рассказываете. Но позвольте один уточняющий вопрос: откуда вы взяли такой вертолет? — с хитрецей спросил он, и, судя по его глазам, он знал это место.

— Где-то в Свердловской области, недалеко от Екатеринбурга. Мы сначала на большую базу МЧС заехали, хотели там Ми-26 забрать, но он был расстрелян. Тогда мы попали в музей, и «Чинук» там был в целости и сохранности, его хотели как экспонат выставлять. — пояснил ему я.

— Все верно. — кивнул головой Алексей. — Я его видел, не думал, что он может летать.

— Больше не может, отлетался. — потер я свою руку.

— Выходит, завтрашняя охота для вас не более чем легкая прогулка? Ведь так? — с надеждой спросил он.

— Вроде того, держитесь за нами и проживете подольше. — заверил я их, хотя это была откровенная ложь.

Глава 6

Ночь пролетела незаметно, в тепле, на соломенном матрасе, да еще и сытый я спал аки младенец. Утром нас еще раз покормили, а после вывели на улицу. Погода сегодня была прекрасной. На небе ни облачка, ветра не было, солнце светило и даже было тепло, несмотря на столь ранний час. Там мы увидели охотников во всей красе. Генералы нарядились в камуфляж, навесили на себя разгрузки и патронташи. У каждого по дорожному ружью с хорошей оптикой, кобура с пистолетом. А судя по магазинам от коллажей, что торчали из разгрузки, прихватят еще и автоматы. Но это было не все, самым интересным было другое, а именно десять квадроциклов, что стояли в один ряд. Выглядели они немного необычно, я бы сказал, топорно. Это был не новодел, в целом рама, подвеска и колеса были заводскими, а вот сиденья и двигатели — точно современная работа. И если я не ошибаюсь, двигатели стояли от старых советских мотоциклов ИЖаков или Уралов. Но это и логично, хорошего топлива нет, а в те можно заливать что попало.

Как я и ожидал, охотиться на нас будут не только генералы с Пузырем, еще рядом с ними стояло двадцать человек охраны и две собаки, правда не охотничьи, но это были немецкие овчарки, а они хорошие поисковики. Охрану снарядили по полной, автоматы, куча патронов, большие рюкзаки с припасами. Видимо, будут прикрывать и страховать генералитет. Что ж, флаг им в руки. Приметив будущую дичь, генерал-полковник прикурил папиросу и вальяжно приблизился к нам. Разумеется, за ним потянулись и остальные.

— Ну, привет, сынки. — добродушно улыбнулся он.

— И вам не хворать. — безразлично ответил я.

Я понимаю, настроение у вас не шибко хорошее. Но сами виноваты, что оказались на этом месте, правила есть правила, и негоже их нарушать.

— Но я... Ай! — выкрикнул Федя, но я тут же его остановил ударом в плечо.

— Заткнись и не перебивай старших! Без команды рта не открывай! — злобно прошипел я, сделав вид, что выслужился, как бы прогнулся.

Но я просто боялся, что Федя сейчас наплетет какой-нибудь ерунды и все сорвется, а это реальный шанс.

— Благодарю, юноша. — кивнул мне генерал. — Я, собственно, чего к вам подошел. Все мы, люди, ошибаемся, так уж мы устроены. Но ведь мы можем и исправиться, если нам дадут шанс. Правильно говорю, господа? — обернулся он к своим подчиненным.

— Так точно, товарищ генерал-полковник! — как болванчики закивали его лизоблюды.

— Собственно, к чему это я. Вижу, вам эта затея не сильно интересна. Поэтому хочу добавить в охоту огонька и азарта. Любопытно?

— Разумеется. — кивнул я.

— В общем так, слушайте мое слово. Чтобы у вас появилась мотивация, я лично обещаю тому, кто доживет до ночи, полную амнистию. Лично сниму ошейник с шеи, накормлю, выдам хорошее обмундирование, оружие и отпущу с миром! Слово офицера! — гордо заявил он. — Годится?

— Годится! — опять ответил я за всех. — А оружие дадите? Хотя бы ножи. У зверей обычно есть чем защищаться, и курево не помешало бы.

— Оружие? — ухмыльнулся генерал. — Нет, сынок, не дадим. У зверей есть когти и клыки, не спорю. А у вас есть лучше: мозги, и зверь не знает, что на него ведут охоту, а вы в курсе, это уже хорошая фора. Курева дадим, мы не жадные. Что-то еще? — уточнил он, но ответом ему послужила тишина. — Раз такое дело, то вперед и с песней. Даем вам фору в тридцать минут. Бегите, прячьтесь, делайте что хотите и старайтесь выжить! Удачи! — махнул он нам рукой, и конвой повел нас из городка охраны.

Мне в руки вручили два коробка спичек и две пачки папирос «Беломорканал», а затем всех вывели на окраину города и остановили перед большим, заросшим репьем и высохшим борщевиком полем.

— Побежали! — гаркнул охранник и выстрелил из пистолета в воздух, видимо, это послужило началом отсчета.

Мы, словно зебры, бегущие на водопой, рванули вперед напролом со всех ног. Поле было большим, а земля на нем очень сырой и рыхлой, так что местами ноги увязали по щиколотку. Минут за десять мы его преодолели и со стороны стали похожи на каких-то чудовищ. Все в траве, репье, особенно головы, так как волосы длинные, а сухие колючки цепляются так, что потом не оторвать, проще волосы отрезать. Поле упиралось в густой лес, по которому при всем желании не проедешь не то что на квадроцикле, даже на вездеходе не выйдет. Это, несомненно, играло нам на руку. Но была одна проблема, а именно следы. Следили мы так, что даже недалекий человек сможет без труда пройти точно по нашему следу.

— Так, стоп! — прикрикнул я и всех остановил.

Едва мы встали на месте, как Федя тут же почти без сил упал на землю, он тяжело дышал, пуская слюни.

— Хватит следить! Вы так угрожаете нас! — высказался Сережа.

— В смысле? — уточнил Алексей.

— Коромысле! — прикрикнул я. — Не трогайте ветки, не ломайте ничего, не пинайте мухоморы и поганки. Прошли и все, не нужно следить! Видишь грязь — обойди, смотрите, куда мы наступаем, и бегите след в след. Понятно?

Ответом мне послужило тяжелое дыхание Феди и Алексея.

— Раз понятно, побежали дальше! Нам нужно углубиться как можно дальше.

— Постой, Макс! — обратился ко мне Федя.

— Что еще?

— Генерал сказал, что если мы дотянем до вечера, то отпустит нас. Мы можем как-то хитроумно спрятаться, чтобы нас не нашли? А потом по темноте вернемся, и, считай, все, свобода! — мечтательно произнес он.

— Федя! Я вот поражаюсь твоей душевной простоте и наивности! С чего ты взял, что он так поступит? Тебя жизнь вообще ничему не учит? — возмутился я.

— Но он же слово офицера дал!

— И что? Это просто громкое слово, и оно ничего не значит!

— Почему? А как же честь? Присяга в конце концов! — не согласился со мной Федор.

— А что, честь и присяга? Он все это продал, когда вместо того, чтобы людей защищать, набрал кучу профессиональных бойцов и спрятался в подземелье! И смотрел по камерам на таких, как мы. Он кофе пил с шоколадкой и папироски смолил. А нас зомби жрали, мы с голоду пухли, на холоде помирали! И если и это тебя не убедило, скажешь, что он думал о будущем. То тогда другой вопрос, а как это так вышло, что такие люди, приносившие присягу людям, этих самых людей в рабстве держат. И еще, сука, охотятся на них, как на дичь? Мы стояли в одном строю перед ним, и его ни на секунду не смутил тот факт, что рядом со мной находится ребенок! Он даже не пикнул по этому поводу! И если Сережа попадет в перекрестие его прицела, тот выстрелит без зазрения совести! Теперь я хочу у тебя спросить, о какой чести ты вообще говоришь? В лучшем случае, при самом удачном раскладе тебя просто вернут обратно на стройку, но о свободе можешь и не мечтать.

— Федь, как бы неприятно это ни звучало, но Макс правильно обрисовал ситуацию. Единственный шанс выжить — это сбежать отсюда. — согласился со мной Алексей.

Федя ничего не ответил, лишь тяжело вздохнул, вытер рукавом испарину со лба и поднялся на ноги.

Наш забег продолжился, балласт стал вести себя немного осторожнее. Парни стали следить за своими руками, чтобы не касаться веток, и даже шагать след в след. Но хватило их ненадолго, спустя километр пробежки они выдохлись, начали громко пыхтеть, топтать и по возможности опираться на все, что только можно. Мое терпение подходило к концу, но у меня был план, и я его придерживался. И сейчас настала пора выполнить первый его пункт.

— Отдышитесь! — скомандовал я, когда мы выбежали из дебрей на небольшую полянку, посреди которой лежал ствол поваленного дерева.

Федя сразу уселся на него и вытянул вперед ноги, а затем принялся разминать мышцы на икрах. Алексей просто уселся на сухую, жухлую траву, а мы с Малым ходили туда-сюда, размахивая руками, чтобы восстановить дыхание. Все же нам тоже было непросто бегать, сил почти не осталось, форма за последнее время была потеряна. Вообще удивительно, что мы еще нормально держимся после такого питания. Сережа то и дело многозначительно поглядывал на меня. Я прекрасно понимал, что его интересовал один очень важный вопрос. Какого черта мы возимся с этими людьми, ведь они только мешают нам. Но он также прекрасно понимал, раз я их тяну, значит это зачем-то нужно. Возможности спросить об этом вслух не было, чтобы не вызывать подозрений. Поэтому он просто ждал, когда я сам открою карты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.